

Трое детей от чрезмерного волнения выставили себя смешными и, когда взрослые подняли их, покраснели до ушей. Хорошо ещё, что старшие вовремя сдержали смех, иначе малыши от стыда точно бросились бы прочь.

Стол в главной комнате отодвинули, оставив на почётном месте одну скамью. Нин Гуйчжу сел и уже официально принял земной поклон от троих детей. Семья рядом быстро вложила им в руки заранее заваренный чай, и дети чинно произнесли:

— Учитель, прошу выпить чай.

Нин Гуйчжу взял чашки и из каждой сделал по глотку, затем поспешно велел детям подняться:

— Всё-всё, на этом правила должны закончиться, да?

Семья разом посмотрела на двух старших. Лю Цюхун подумала и толкнула мужа локтем:

— Ещё что-нибудь есть?

Сюн Шишань напряг память и сказал:

— Кажется, нет.

По их представлениям, поклонение учителю - это поклон и чай. Никаких других порядков они не слышали, да и когда после полудня говорили со стариками рода, никто ничего больше не напоминал.

Получив такой ответ, Нин Гуйчжу поднялся и засучил рукава:

— Тогда я пойду на кухню. Цзиньчжоу принёс мясо, пора готовить ужин.

Ван Чуньхуа сразу пошла следом:

— Твой брат тоже купил немало всего. Давай сначала приготовим то, я помогу.

— Хорошо.

Когда они ушли, Лю Цюхун сказала Сюн Цзиньчжоу:

— Курицу для учительского подношения выбрали такую, что только начала нестись. Вы двое

следите, чтобы яйца никто не утащил, а вы и не заметили.

— Хорошо, запомню. А куда курицу посадили? — спросил Сюн Цзиньчжоу.

Сюн Шишань ответил:

— В загон.

Раз она в загоне, волноваться было не о чем. Сюн Цзиньчжоу даже не пошёл смотреть, а сразу нырнул на кухню разжигать огонь и заодно проверить, не нужна ли помощь Нин Гуйчжу. Увидев это, Лю Цюхун не удержалась и закатила глаза.

Дел на кухне было много, но блюд для семьи всего несколько. Нин Гуйчжу, Ван Чуньхуа и Лю Цюхун втроём вполне справлялись. Вскоре Сюн Цзиньчжоу выгнали за то, что он не умеет управляться с огнём. Принесли они немало: мясо, рыбу, перец и даже рапсовое масло. На кухне стояла ещё корзина свежей нежной зелени - с первого взгляда видно, что она совсем молодая и до обычного сбора ещё не доросла.

Ван Чуньхуа заметила, что Нин Гуйчжу смотрит на зелень, и с улыбкой сказала:

— Я сегодня съездила домой, это овощи от моей родни. Всё свежее и нежное. Чжу-гер, посмотри, что приготовить?

Нин Гуйчжу присел перед корзиной и выбрал немного красного амаранта:

— Давайте это.

Название «красный амарант» не всем сразу что-то скажет, но стоит поставить его на стол, многие тут же узнают. У жареного красного амаранта сок яркий, ало-красный, особенно привлекает детей.

На плите тушилась свинина, готовый красный амарант стоял рядом, а в котле разогревалось масло для рыбы. Сюн Цзиньпин полдня возился с рыбой: три живые ещё плескались в ведре, а две крупные были убиты на месте. Их предстояло обжарить и потом приготовить с лепёшками у стенок котла. Ещё было около двадцати мелких рыбёшек - после жарки их посыпали перцем и слегка перемешали, получалось великолепное блюдо.

Нин Гуйчжу краем глаза следил за крупной рыбой в котле, а сам перемешал хрустящую мелкую рыбёшку и поставил в сторону:

— Мама, невестка, попробуйте вкус.

— Уже на вид вкусно, — без раздумий похвалила Лю Цюхун.

Она выбрала рыбку покрупнее, разломилась на три части: голову отдала Ван Чуньхуа, середину поднесла к губам Нин Гуйчжу, а хвостовую часть съела сама. Мелкая рыбёшка была хрустящей, средняя часть - мясистой и мягкой, с ароматом перца, очень вкусная.

Нин Гуйчжу смаковал кусочек, заметил, что крупная рыба уже почти обжарилась, вынул её и начал готовить приправу. Когда соус был готов, рыбу вернули в котёл, добавили воды, а затем втроем они раскатали подготовленное тесто в лепёшки и прилепили их к стенкам котла.

Ели всей семьёй, поэтому лепёшек было не только много, но и делали их толще. Нин Гуйчжу взял палочки и проколол в середине каждой лепёшки отверстия разного размера.

— Всё, теперь только ждать, пока приготовится.

Он отложил вещи и сел отдохнуть за маленький кухонный стол. Трое как раз болтали, когда во дворе послышался стук падающего бамбука. Они выглянули наружу: трое мужчин разбирали только что срубленный бамбук. Длинные стволы рубили на три части и складывали вместе. Закончив, они снова взяли ножи и вышли.

— Вот ведь, ни минуты покоя, — с улыбкой проворчала Лю Цюхун.

Мужчинам и полагалось быть такими: хотеть работать и находить себе дело. Иначе зачем за них выходить?

Нин Гуйчжу отвёл взгляд и с улыбкой сказал:

— У нас дома бамбук вообще не заканчивается. Передний двор уже почти весь завален ветками.

— А что плохого, если не надо о них беспокоиться? — сказала Ван Чуньхуа. — Когда стену достроят, поставим две жерди, закрепим, сложим бамбуковые ветки повыше - много места они не займут.

— Хороший способ, — согласно кивнул Нин Гуйчжу.

Они болтали о домашних делах, пока Сюн Шишань с сыновьями не принесли обратно и бамбуковые ветки. Как раз в это время лепёшки в котле были готовы. Нин Гуйчжу окликнул всех снаружи, велел большим и маленьким мыть руки и готовиться к еде, затем поднялся, открыл крышку и полил оставшимся соусом заранее вынутую рыбу.

Под жаром соуса зелёный лук отдавал аромат, и ветерок унёс этот запах наружу, заставив

животы всей семьи дружно заурчать. Все расселись за столом. Глядя на обильную еду, они едва могли сдержать слюну.

Сюн Иньинь взяла палочками маленькую рыбку, протянула дрожащую ручку и положила её в чашку Нин Гуйчжу. Молочным голоском она сказала:

— Учитель, кушай рыбку!

Нин Гуйчжу не смотрел на неё и, услышав движение ребёнка, поспешно поднял чашку, принимая рыбку.

— Спасибо, Иньинь. Иньинь тоже кушай.

— Угу!

Следом двое мальчиков постарше тоже положили ему в чашку кусочки рыбы и радостно сказали:

— Учитель, кушайте рыбу!

Нин Гуйчжу с улыбкой поблагодарил их и велел детям есть самим. Когда они закончили, взрослые, которые до этого затаили дыхание, наконец расслабились и со смехом начали поддразнивать детей:

— Стоило поклониться учителю - и сразу не те стали. Раньше разве знали такие вещи?

Дети сначала покраснели, а потом, засмутившись ещё сильнее, стали по очереди накладывать еду всем за столом. Сами почти ничего не съели, зато старших растрогали до полного восторга. И без того вкусный ужин среди смеха и радостных разговоров казался ещё вкуснее. Наевшись и немного поболтав, семья вместе вымыла чашки и палочки, а потом собралась уводить детей домой.

Нин Гуйчжу проводил их до ворот и сказал старшему брату с невесткой:

— Завтра я съезжу в уезд, куплю основные книги для начального обучения. После обеда начну учить детей грамоте.

— Хорошо, хорошо. Спасибо, Чжу-гер, — поспешно сказала Ван Чуньхуа.

— Не за что, — Нин Гуйчжу погладил стоявшую ближе всех Сюн Иньинь по голове и улыбнулся. — Они и так наши дети, а теперь я ещё и их учитель. Делать это тем более

правильно.

Слова были верные, и вся семья ушла с радостными улыбками.

Когда они ушли, Сюн Цзиньчжоу закрыл ворота, обнял Нин Гуйчжу за плечи и сказал:

— Вот теперь хорошо. Своих детей у нас ещё нет, а детей уже растить придётся.

Услышав про собственных детей, Нин Гуйчжу повернул голову:

— Ты очень любишь детей?

— Да так, нормально, — Сюн Цзиньчжоу потёр подбородок и не слишком серьёзно сказал: — Если ты родишь, то очень полюблю.

Нин Гуйчжу, совсем не горящий желанием рожать, сбросил его руку и широкими шагами пошёл к кухне.

— Тогда иди и люби. А мне нужно приготовить еду для Давана и остальных.

Сюн Цзиньчжоу: «?»

Он ещё не успел понять, в чём дело, как Нин Гуйчжу снова высунул голову:

— Ты отнесёшь Маньтоу булочку?

— Если один раз не поест, ничего страшного, — пробормотал Сюн Цзиньчжоу, но всё же послушно зашёл на кухню.

Однако стоило ему взять грубую булочку, как Сюн Цзиньпин привёл обратно Маньтоу, которого привязывали у их дома. С улыбкой он сказал:

— Когда пришли сюда, совсем о нём забыли. Вернулись - смотрим, он чуть дом не разнёс.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу похлопал Маньтоу по голове и улыбнулся брату:

— Продавец тогда говорил, что характер у него странный. Вот впервые и столкнулись.

— Раз хозяина признал, это только хорошо. Ничего страшного, ничего страшного.

Дома его ещё ждали дела, поэтому Сюн Цзиньпин перекинулся с братом парой слов, передал ему мула и ушёл. Проводив его взглядом, Сюн Цзиньчжоу достал поспешно спрятанную за пазухой булочку и сунул её Маньтоу в рот:

— Эх ты, не мог даже немного подождать. Терпения у тебя совсем нет.

Маньтоу шумно фыркнул, мотнул головой, сбрасывая его руку, и, жуя булочку, сам затрусил к навесу.

Покормили собак и котят, загнали кур, уток и новую несушку в клетки и заперли их. Когда со всеми делами было покончено и Нин Гуйчжу поднял голову, солнце уже давно скрылось.

Вымыв руки, он вынул шпильку из волос и сказал:

— Пока мылся, всех блох вроде уничтожил. Может, голову всё-таки не мыть?

В такое время волосы всё равно не успеют высохнуть.

Сюн Цзиньчжоу обнял его сзади и поцеловал в щёку:

— Тогда не будем.

Когда вокруг не осталось посторонних, расстояние между супругами мгновенно сократилось до минимума. Как только собаки с лаем вернулись в своё логово, они без колебаний закрыли дверь и ушли в спальню, оставив псов смотреть на котят в лежанке и жалобно поскуливать.

Посреди ночи Сюн Цзиньчжоу, приведя Нин Гуйчжу в порядок, тихо поднялся, принёс свежеприготовленный яичный суп и подошёл к собачьей лежанке. Из тёплого собачьего живота он аккуратно выудил двух котят.

Даван и Эрцай открыли глаза, жалобно твякнули и тут же сунулись поближе, решительно отнимая еду у котят.

Сюн Цзиньчжоу потерял дар речи:

— Ну и безнадёжные вы.

Несмотря на ворчание, он всё же налил немного супа и в их бамбуковую миску. Накормив котят, он поторопил собак возвращаться на место. Две собаки, которые весь день носились по двору, нехотя вернулись в лежанку. Когда им снова вручили котят, они бережно облизали им головы.

Поднявшись с чашкой, Сюн Цзиньчжоу неожиданно встретился взглядом с Маньтоу. Замерев на миг, он взял и вылил остатки яичного супа в его корыто.

— Пей. Выпьешь - завтра работай как следует. И больше не вздумай разносить дом, понял?

Маньтоу посмотрел на корыто, тихонько хрюкнул и опустил голову пить яичный суп.

Сюн Цзиньчжоу вернулся на кухню, снова сварил для котят чашку яичного супа и поставил её в шкаф остывать.

Закончив со всем этим и вернувшись в спальню, Сюн Цзиньчжоу обнаружил, что Нин Гуйчжу, так и не дождавшись его, уже проснулся. Зевая, тот спросил:

— Почему так долго?

— Яичный суп они там поделили между собой, так что пришлось сварить ещё одну чашку. Поставил в шкаф остывать, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Он снял накинутую поверх одежды куртку, забрался под одеяло и обнял Нин Гуйчжу. Ладонь скользнула по гладкой коже.

— Спи. Завтра поедешь со мной в уезд?

Речь шла о покупке книг. Нин Гуйчжу лениво зевнул, устраиваясь у него на груди.

— Поеду.

— Тогда позавтракаем в уезде?

— А что будем есть?

— Сегодня один торговец продавал вкусные блинчики. Хочу отвести тебя попробовать.

— Хорошо.

— ...

Они ещё долго переговаривались о всяких мелочах. Голоса становились всё тише и тише, пока наконец не растворились в двух спокойных дыханиях, переплетённых между собой и уносимых ночным ветром.

<http://bllate.org/book/14958/1705514>